

В России холодно, в Америке тепло

«Половина неба» Линор Горалик и Станислава Львовского

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

Писать лирическую прозу сейчас пытаются многие. Но подняться над уровнем среднестатистической трогательной макулатуры оказывается для большинства непосильной задачей. Если же это все-таки удастся, то на обширном мусорном фоне книга сразу начинает казаться чуть ли не шедевром.

Роман одного из заслуженных представителей московской «молодой литературы» Станислава Львовского и обладательницы всех возможных талантов Линор Горалик — яркий тому пример.

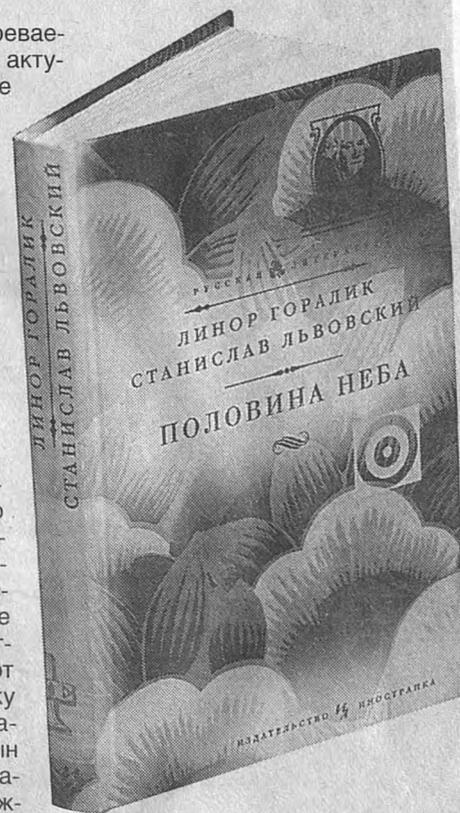
Молодые перспективные писатели Горалик и Львовский, выпустившие свой роман в основанной издательством «Иностранка» серии с широковещательным названием «Русская литература», хороши тем, что они нашли своего героя. Вернее, они его даже и не искали — он у них присутствует как органическая данность. Типаж этот весьма характерный. Герой-рассказчик «Половины неба» Марик — московский интеллигент, родившийся в начале 1970-х и представляющий, таким образом, сливки последнего советского поколения. Он вдумчиво, подробно и несколько меланхолично вспоминает 1980-е: дачно-школьный домашний быт эпохи позднего застоя, умирающих в конвейер-

ном порядке генсеков и глубоко засевшую в безднах подсознания главную страшилку тех лет — ожидание ядерной войны. А также первую (и, как потом оказывается, главную) любовь и друзей детства, выросших в тепличных условиях агонизирующего тоталитаризма и поздно ознакомившихся с законами свободной конкуренции, но впоследствии на всю катушку воспользовавшихся благами открытого общества. Марик — потребитель определенного рода художественной продукции, и это в значительной степени определяет его личность. Среди главных воспоминаний его детства — болгарская пластинка «Лучшие вокалисты джаза» и особенно песня в исполнении Фрэнка Синатры, в слова кото-

рой Марик вслушивался как в музыку сфер, переводя их для любимой девочки (в самом деле, какая же любовь без Синатры?). Он в принципе не способен писать письма, не цитируя на каждой странице Бродского. В мире Марика присутствует только один иностранный язык, он же язык свободы, цивилизации и культуры (угадайте какой), и там, где кто-нибудь другой выберет одно из труднопроизносимых русских междометий, с уст героя обязательно сорвется рефлекторное оops. Работает он фотографом в National Geographic и много ездит по миру. Впрочем, он признается, что Москва, где полгода мокрый снег и еще два месяца дождь, — это все, что у него есть, и что она — единственное «здесь» среди бесконечных «там» и «нигде». А вот давняя возлюбленная Марика, уехавшая в Америку еще школьницей, этих чувств к Родине не разделяет.

В «Половине неба» есть все признаки осмысленного авторского письма. Монологу Марика присуща сдержанная, так сказать, цивилизованная исповедальность, а Горалик и Львовский хорошо владеют повествовательной техникой. Они предлагают читателю некий коллаж из событийной разной давности и динамично сочетают несколько

временных планов, обозреваемых героем из настоящего, актуального времени, которое умещается в несколько часов воздушного пути из Нью-Йорка в Москву. Но самое интересное не в этом, и даже не в припаденной к финалу трагической коллизии. Самое интересное то, что эта книга — путеводитель по особому типу сознания. По поводу любых, даже самых ненавязчивых проявлений советского официоза хомо гораликус, несмотря на ностальгию, готов излить изрядную порцию желчной иронии, а вот американские чиновники (которых героиня называет гестаповскими суками) вкупе с прочими тяготами эмигрантской жизни не мешают без памяти любить Америку и называть ее своей страной. Когда десятилетний сын героя оказывается среди захваченных в Москве заложников, бывшая жена укоряет Марика, что он оставил сына в России — ведь мальчик мог бы жить в «нормальной стране». Где, как мы знаем, террористы взрывают небоскребы, а школьники убивают друг друга чаще, чем в Москве захватывают заложников. Поэтому данный ро-

ман примечателен тем, что он рассказывает о непостижимом. Так на то и русская литература, you know.

Линор Горалик, Станислав Львовский. Половина неба. — М.: Иностранка, 2004. — 191 с.